

к вельможе»: Ферне только что повторно посетил «один из самых любезных христиан сего полушария», «татарин, чей дед был язычник», — Н. Б. Юсупов. В том же письме (и в следующем, от 1 августа) Вольтер — словно со времени издания «Наказа» не утекло много воды и крови — пытается привлечь Екатерину II к поддержке конкурса на проект реформы германского уголовного законодательства и заверяет, что «Бернское общество» желает принятия законов Екатерины всем светом.

В том же собрании ЦГАДА нами взяты на учет три письма Вольтера к Д. М. Голицыну, подлинники же двух других, известных со времени Д. Ф. Кобеко,⁸ писем к Голицыну нам разыскать не удалось.

Но если обнаружение почти полного комплекта копий вольтеровских писем к Екатерине II подтверждает научное ожидание и выдвигает в свою очередь лишь вопрос о том, куда же попали (или когда и кем могли быть уничтожены) их подлинники, то обнаружение писем самой Екатерины II к Вольтеру явилось вдвойне неожиданным. Были веские основания сомневаться в том, удалось ли Гримму после смерти Вольтера выполнить поручение царицы и скупить (подчас ее компрометирующие перед другими государями) письма, направлявшиеся ею в Ферне; нелегко было в публикации Пекарского, а тем более в перепечатке Молана различать все особенности работы над черновиками. Теперь же перед нами предстали сотни писем Екатерины II как в черновиках (с частыми следами публикаторских купюр), так и в подлинниках, поступивших в архив иным путем, но несомненно, стало быть, все же скупленных во Франции и впервые сопоставимых с изданным их текстом. Не говоря уже о том, какое значение будет иметь для нового издания «Переписки Вольтера» восстановление подлинного текста такого важного звена этой переписки, подчеркнем, что специально для русской истории очная ставка черновиков с окончательными редакциями дает немало интересного, почему им и посвящен особый раздел во втором, ожидающем выхода в свет, выпуске наших «Новых текстов переписки Вольтера» («Письма к Вольтеру»).

Внимания заслуживают, наконец, два письма, вероятно входившие в состав собрания Н. П. Лихачева, но, несомненно, выявленные в Ленинградском отделении Института истории АН СССР лишь в недавнее время. Оба они написаны женевским выходцем Франсуа-Пьером Пикте, которого мы отнюдь не склонны вслед за его соотечественниками величать «секретарем

⁸ «Русский архив», 1885, кн. I, стр. 133—136.